

А. А. Попов

Культура эллинистической Бактрии и находки надписей в конце XX – начала XXI в.

Статья посвящена развитию современных исследований надписей, найденных на территории эллинистической Бактрии (IV–I вв. до н. э.). Акцент сделан на текстах, обнаруженных на глине и камне, а также пергаментях. В работе рассматриваются налоговая квитанция на пергаменте из коллекции Музея Эшмола в Оксфорде и пергамент, найденный в районе Балха, с текстом договора о найме скифского отряда. В статье освещается посвящение Иромоиса Оксу из Такhti-Сангина. Важное место уделено надписям на камне из Кандагара: в одной говорится от имени сына некоего Аристонакса, другая является стелой Софита, сына Нарата. Важное место занимает рассмотрение стихотворного посвящения Гелиодота богине Гестии, обнаруженного в Кулябе. Эти памятники иллюстрируют многие культурные реалии эллинистической Бактрии. Они затрагивают вопросы, связанные с религией, образованием, литературой, а также социальную, экономическую и политическую сферы.

Ключевые слова: эллинистический период, эллинистическая культура, Центральная Азия, Бактрия, эпиграфика, пергаменты

Artem A. Popov

Culture of Hellenistic Bactria and the finds of inscriptions of the end of XX – beginning of XXI century

The article is dedicated to the development of the modern researches of inscriptions which were found on the territory of Hellenistic Bactria (IV–I centuries BC). The emphasis is made on the texts discovered on clay and stone, as well as parchments. There are two important points in this work: the tax receipt on the parchment from the collection of Ashmolean Museum in Oxford and the contract with the Scythian detachment on the parchment, which was found in the Balkh region. The article tells about the dedication of Iromois to Oxus from Takhti-Sangin. The stone inscriptions from Kandahar take the important place: the first tells on behalf of some "son of Aristonax", the second is the stele of a man named Sophytos son of Naratos. The written dedication to the goddess Hestia by Heliodotus discovered about Kuliab plays the main role. These documents illustrate a lot of cultural realities of Hellenistic Bactria. They touch upon the problems, connected with religion, education and literature and social, economic and political spheres.

Keywords: Hellenistic period, Hellenistic culture, Central Asia, Bactria, epigraphic, parchments.

DOI 10.30725/2619-0303-2020-4-78-84

При столь масштабном объеме памятников материальной культуры стоит вопрос о документах, письменных свидетелях прошлого. Сегодня накоплен значительный пласт эпиграфики, что ярко видно по одному из пассажей профессора Хьюстонского университета Ф. Холта [1, р. 113–114]. Если брать во внимание отсутствие в его работе некоторых известных сегодня эпиграфических памятников, все равно их количество не является критическим для переосмысления многих лакун греко-бактрийской культуры. При этом они освещают не только сюжеты, связанные с религией, наукой, образованием, литературой, но и иллюстрируют социально-экономическую, политическую и правовую обстановку.

Долгое время надписи на твердых материалах, рассказывающие о культуре Бактрии эллинистической эпохи, были представлены лишь монетными легендами. Однако уже на рубеже XIX–XX в. ученые обнаруживают среди надписей, найденных на о. Делос в Эгейском море, имя человека, связанного с Бактрией. В посвящении он именуется: «Гиспасин, сын Митроакса, Бактриец». Датируется делосское посвящение II в. до н. э. (примерно между 178

и 168 гг. до н. э.) [2, № 442 B, l. 109, № 443 Bb, l. 33]. Его имя близко к имени Гиспаосина, царя Харакены, расположенной в регионе Персидского залива [3; 4, р. 245–249]. При этом вызывает интерес ученых тот факт, что он копировал тип монетных эмиссий греко-бактрийского царя Евтидема I. А. Беллинджер даже предположил, что он был Гиспасин был внуком Евтидема [5, р. 52–67]. Это предположение вызвало дискуссию, подержанную, например, П. Бернардом [6, р. 135–136]. Правильной ли является догадка А. Беллинджера или нет, имя этого бактрийца вызывает много вопросов. Что означает его самоидентификация на греческом языке, как бактрийца? Была ли его принадлежность к Бактрии связана с его этническим или географическим происхождением? Может быть, он себя идентифицировал одновременно как грека и как бактрийца. Каков был его этнокультурный облик? Возможно ли, нахождение подобных надписей в Бактрии? По-видимому, греческий язык был единственным способом передачи информации для бактрийцев, попавших в Восточное Средиземноморье [1, р. 114]. В любом случае данная надпись показывает широту возможностей передвижения в эллинистическом

мире, культурных трансформаций и взаимодействия различных цивилизационных основ Старого Света в ту эпоху.

В 1946 г. начинается новый этап в исследовании бактрийского эллинизма. В руках ученых появляется первый эпиграфический документ с античной греческой надписью, найденный на территории Бактрии. На севере современного Афганистана в Тепе-Нимлик в 36 км от Балха на остраке (фрагменте керамического сосуда) был обнаружен фрагмент надписи из пяти греческих букв: «ΑΤΡΟΣ» [7, р. 195, № 303].

Общественность познакомилась с этой находкой, благодаря изысканиям Д. Шлюмберже и М. Уилера [8, р. 241–242; 9, р. 57–65]. Это стало одним из важнейших успехов позитивного подхода в изучении материальной культуры античной Бактрии и важной ступенью в развенчании «бактрийского миража».

Спустя тридцатилетие, в Тахти-Сангине Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян находят вотивную надпись, посвященную богу Оксу, автор которой Атросок. Ф. Холт замечает, что это иранское имя, написанное на греческом языке, также начинается с этих пяти букв [1, р. 114–115]. Возможно, это не является случайностью. Однако на остраке из Тепе-Нимлик надпись выглядит как последние два слога в слове.

В 1962 г. в Удеграме (Пакистан) был найден фрагмент на греческом языке, состоящий из первых трех букв: «ΝΟΥ» [10, р. 35–36]. Однако эта находка и последующие остальные относятся уже новой эпохе исследований бактрийского эллинизма, которая начинается с обнаружения городища в Ай-Ханум. Именно там были найдены наиболее впечатляющие эпиграфические памятники, свидетели присутствия античной культурной жизни на восточных окраинах ойкумены. Впоследствии эти источники были дополнены находками в Тахти-Сангине, сделанными Б. А. Литвинским и И. Р. Пичикяном. Айханумские и тахтисангинские находки 1960–1980-х гг. требуют отдельного рассмотрения. Они стали предметом отдельных исследований многих ученых. По этой причине памятники из Ай-Ханум и Тахти-Сангина, обнаруженные в эти годы, в данной статье не рассматриваются.

Сегодня накоплен эпиграфический материал, найденный во многих археологических комплексах и свидетельствующий о присутствии языка и культуры эллинов в Центральной Азии. Даже некоторые из них позволяют осветить эти источники, часто содержащие типичные для греков имена собственные, включая имена античных богов.

В 1969 г. в Емши-Тепе близ Шибиргана (Афганистан), расположенного недалеко от знаменитого комплекса Тилля-тепе, была найдена надпись на остраке с частью имени «Диодот» или «Диодор»,

состоящая из первых четырех букв «ΔΙΟΔ» [11, р. 84–97]. Предположительно, имя «Никий» начертано на осколке сосуда, найденного на городище Афрасиаб (древние Мараканды, современный Самарканд, Узбекистан) [7, р. 228, № 388]. В цитадели Джагат-тепе (или Джига-тепе, Афганистан), находящегося поблизости от Дильберджины, была обнаружена глиняная плитка, на которой содержится текст из шести строк. В третьей из них читается имя «Диоген», а в пятой слово «отец» [12, р. 425–426]. В Кампыртепа были найдены надписи на античных вазах и фрагменты папируса [13, р. 20–24; 14, р. 56–57]. Один из текстов содержит, вероятнее всего, первый слог имени собственного: «ΚΛΕ» [7, р. 197, № 309]. На одном из драгоценных браслетов содержится надпись: «ΜΗΝΤΩΡ ΕΡΟΕΙ» («Местор сделал») [15, р. 237–238]. В Тилля-тепе был обнаружен клад, знаменитое «бактрийское золото». Среди тысяч ювелирных изделий следует выделить те, которые содержат имя богини Афины [16, items 55, 88, 105].

Сегодня стала известна группа серебряных сосудов, происхождение которых относится к центральной части Азии. Они описаны Ф. Холтом. Он связывает их с какой-то местностью на севере Пакистана, возможно, даже с Таксиллой. На них были начертаны надписи на греческом и пракрите. Одна из этих надписей: «Меридарх Каллифон посвятил это Зевсу Хаону» [1, р. 117]. Выше упоминалась надпись о меридархе Феодоте, которая была известна еще в середине XX в. и была написана на пракрите [17, р. 40–41]. Поэтому случай упоминания высокопоставленного наместника не является единичным для региона, где эллины правили после походов Александра.

Имя «Каллифон» часто встречается у моллосов, т. е. в Северной Греции. Зевс – предводитель олимпийского пантеона. Поэтому данная надпись на билингве, включая греческий вариант, крайне интересна и говорит о том, что эллины, находясь далеко на востоке обитаемого мира, не были чужды своей традиционной олимпийской религиозности. Сам Каллифон, по-видимому, был неординарной личностью и находился на руководящих постах в одном из эллинистических государств [1, р. 118].

В начале 1990-х гг. в фонды Эшмоловского музея (Оксфорд, Великобритания) поступил уникальный античный документ, имеющий происхождение из Центральной Азии, по-видимому, из Бактрии [18, с. 261–280]. Дарителем этого памятника стал коллекционер Р. Сениор. Текст написан черными чернилами на пергаменте, тонко выделанная кожа [18, с. 261].

Сам текст проливает свет на следующие культурные реалии античной Центральной Азии.

В первой строке говорится, что событие произошло «когда царствовали» Антимих Бог (Теос) «и Евмен, и Антимих». При этом следует подчеркнуть,

что начало оборота, указывающего время, начинается, действительно, с причастия во множественном числе. Таким образом, здесь есть указание на интереснейшую особенность эллинистической монархии – соправителей царя, скорее всего, в виде его сыновей. Подобная практика нам известна из сообщений Помпея Трога (Юстина) о сыне-соправителе-отцеубийце Евкратиде I Великом, о чем говорилось выше. Имя же Антимаха Бога нам хорошо известно по нумизматическим памятникам, что также упоминалось ранее.

Вторая строка начинается с лакуны, которая имеет окончание родительного падежа. Ф. Холт предлагает восстановление текста на месте лакуны в следующем виде: «его сыновья», но ставить сам знак вопроса [1, р. 118]. Кажется уместным предположить здесь и другой вариант: союз «и» и имя третьего сына-соправителя. После этого идет указание на календарное время и место: «в четвертый год, в месяце Олоие, в Асангорнах». Четвертый год, по-видимому, мог означать время или царствования Антимаха Бога, или время совместного правления его с сыновьями-соправителями, или время от начала какой-то новой эпохи в истории царства. Месяц Олой известен по македонскому календарю [18, с. 264]. Перед нами уникальные формы летосчисления, основанные на традиционной балканской (в данном случае македонской) и местной традиции, связанной с правящей династией, имеющей эллинские корни. Кажется неслучайным, что произошел выбор македонского варианта названия месяца. Именно к македонской династии, представителем которой был Александр Великий, возводили свое происхождение эллинистические монархии. Асангорны являлись, вероятно, городом. Таким образом, в распоряжении ученых появилось название нового топонима, впрочем, который может быть нам известен под другим именем.

Вторая строка и начало третьей строки содержит должность «номофилак» («хранитель закона»). При этом на месте имени существует лакуна. Последующий текст, имеющий множество лакун, говорит о том, что «логевт» (сборщик налогов) Методор выдал квитанцию (имеется в виду рассматриваемый документ) за получение подати. Методор, очевидно, и был автором этого документа. Налог он получил, в том числе, от некоего человека, являющегося «сыном Датая» и храмовых служителей. Помимо Методора в тексте упоминаются должностные лица: Демонакс, Сим, Диодор, контролировавший поступление доходов. Имена этих представителей администрации являются, по своему происхождению, греческими, а имя «Датая», вероятнее всего, имеет иранское происхождение [18, с. 266–267]. Наименования должностных лиц показывает механизм финансового устройства государственных доходов. При этом руководящие и

контролирующие органы комплектовались людьми эллинского происхождения. Подати же уплачивались представителями местного населения, по-видимому, аристократами. В процессе уплаты налогов участвовали и храмы. Следует подчеркнуть, что практика аккумуляирования финансовых средств с помощью храмовых комплексов была характерна не только для восточных государств, но и для греческого мира. Достаточно вспомнить храм Аполлона на о. Делос или афинский Парфенон.

В 2007 г. были опубликованы еще два текста, найденных на пергаменте. Их происхождение считается бактрийским [19, с. 273–279]. Действительно, их нахождение близ Балха говорит об этом. Один из них очень слабо читаем, и в нем говорится об уплате некоему «Архизу» за груз какого-то «камня» [1, р. 120].

Второй из них имеет хорошую сохранность и, несмотря на лакуны, его общий смысл понятен.

Упоминание в нем имени царя Антимаха говорит и о бактрийской принадлежности, и о времени изготовления (II в. до н. э.). Указан и «тридцатый год» какого-то летоисчисления: то ли от начала правления этого царя, то ли от начала какого-то эпохального события, например, правления династии. В документе говорится о месте описываемого действия следующее: «в Амфиполе». Здесь стоит отметить, что существует хорошо известный греческий город Амфиполь, где могли происходить интересующие нас события, изложенные далее на пергаменте.

Дальнейшие лакуны не позволяют полностью корректно реконструировать дальнейший смысл, но присутствие некоторые отдельные слова и выражения позволяющие определить общий контекст. Например, одно из слов «наемники» имеет смысловое продолжение в словосочетаниях «скифов числом сорок», «сто драхм серебром» и «сумма серебром». Таким образом, логично предположить о найме «скифов» за определенное жалование на службу.

Возможно, что этот найм произошел, действительно, в Амфиполе. Вопрос об этнической принадлежности упомянутых «скифов» также может быть решен в пользу того, что это были этнические скифы, возможно, конные воины. Однако не является очевидным, что эти наемники должны были служить на царской службе. Существует вероятность, что они могли быть в распоряжении властей какого-то города или даже эллинистического полиса, расположенного в Центральной Азии. «Скифы», как понятие, на греческом языке могло означать, что рассматриваемый отряд был вооружен соответствующим образом по-скифски. Следует помнить, что подобные слова на греческом выглядят как имена собственные. Возможно, назначение таких «скифов», как и у так называемых афинских «скифов», – полицейские функции.

Интересна указанная сумма вознаграждения. Являются ли сто драхм серебром чем-то конкретным, или здесь абстрактная сумма, которая может означать что угодно? Наиболее простое предположение, лежащее на поверхности: данная плата является месячным денежным довольствием для воина, возможно, имея в виду, что он служил конником с установленным видом вооружения. Цена в сто драхм не кажется завышенной с учетом опасности и удаленности службы. Вряд ли эти «скифы» служили в пехоте и имели при этом исключительно легкое вооружение.

Среди последних находок в Тахти-Сангине примечательна посвятельная надпись, найденная в 2007 г. Она была опубликована А. Дружининой [20, с. 121–135]. Она была сделана на венчике верхней части керамической формы для отливки бронзового котла. М. Вексина представила уточненный перевод А. Дружининой [21, с. 226–240]. В зарубежной литературе перевод осуществил, например, Ж. Ружмон [22, р. 274]. Большой вклад в изучение надписи внесли А. И. Иванчик [23, с. 110–131] и А. С. Балахванцев [24, с. 89–96]. В работах последних представлен следующий вариант перевода: «Иромоис, сын Немиска, держатель (или под.) печати, посвятил Оксу котел из семи талантов (бронзы) согласно обещанию» [23, с. 117; 24, с. 89]. А. С. Балахванцев, приводя весомые лингвистические аргументы и основываясь на нумизматических и эпиграфических материалах II в. до н. э.–II в. н. э., приходит к мнению, что датировать надпись следует второй половиной I в. н. э. [24, с. 93].

Здесь следует отметить многогранность воздействия эллинизма на культуру народов Центральной Азии. Логичным исходом в культурном процессе взаимодействия греков и иранцев на языковом поле стало создание в конце I в. н. э. бактрийского языка, на основе греческой письменности [25, р. 110–111]. Даже после падения власти греческих царей в Бактрии сохранялась престижность греческого языка. Он использовался в монетных легендах. Кушанский царь Канишка издавал на нем свои эдикты [25, р. 78].

Неслучайно, что бактриец Иромоис, по справедливому замечанию А. С. Балахванцева, предпочел пусть и неграмотно, но написать посвящение именно на греческом языке. Греческий язык в эллинистическую эпоху был широко распространен среди жителей Ирана. Это им позволяло не только плотнее прикоснуться к культуре греков, но и получить социальные преференции, стать конкурентно способнее по службе, возможно, получить права гражданства в одном из эллинистических полисов или заняв высокий административный и, конечно, военный пост. Эпиграфические памятники являются важными свидетельствами этих культурных процессов и показывают нам достаточно высокий

уровень знания греческого языка у иранцев [24, с. 94].

В конце 1978 г. в Кандагаре (Афганистан) британскими учеными была найдена надпись на базе несохранившейся статуи [26, р. 9–21]. Камень был поврежден, поэтому текст имеет лакуны, в том числе на месте имени человека, посвятившего эти строки.

В первой строке присутствует в самом начале лакуна, которую следует понимать как эпитет к предмету, находившемуся на постаменте. Возможно, это было изваяние животного. Кроме имени самого сына Аристонакса далее в тексте присутствует лакуна на месте слова, скорее всего, означавшего лицо/лиц, которое/которые спас/спасли сына Аристонакса от этого дикого зверя [1, р. 122].

Таким образом, содержание текста примерно следующее: «[Статую] этого дикого зверя я, [имя собственное] сын Аристонакса, будучи спасенным [кем-то] от его внезапного нападения, поставил в этой долине священной в виду моих сограждан».

Можно лишь догадываться об изящности этого анималистического изображения, грациозности форм этого, скорее всего, хищника из семейства кошачьих или, возможно, мощной динамичности в облике свирепого вепря. В любом случае в эпоху эллинизма, в том числе, благодаря школе Скопаса, столь драматические сюжеты имели максимальную экспрессию и реалистичность.

Имя «Аристонакс» является греческим. Указание на близких ему друзей и сограждан может наталкивать на мысли, что его сын был гражданином полиса, располагавшегося на месте современного Кандагара. По всей вероятности, здесь упоминается первый нам известный гражданин Александрии в Арахозии. Приверженность отеческим устоям показана действиями сына Аристонакса, который, как благородный и благодарный гражданин, поставил изящную статую для украшения священного участка в данной местности.

В начале XXI в. там же, в Кандагаре, была найдена стела, названная в честь Софита, сына Нарата [27, р. 227–356].

Надпись имеет заголовок: «ΣΦΥΤΟΥ ΣΤΗΛΗ» («Софита стела»). Она представляет собой акростих хорошей сохранности, который начертан на камне. Текст состоит из двадцати строк. Их первые буквы складываются в следующий акростих: «ΔΙΑ ΣΦΥΤΟΥ ΤΟΥ ΝΑΡΑΤΟΥ». В данном случае в надписи используется следующее написание сигмы: вместо классической «Σ» начертано «С» [27, р. 230]. Оба имени (имя сына и имя отца) не имеют греческого происхождения. Они являются индоиранскими.

По своей сути текст представляет собой небольшую поэму, созданную талантливым автором, хорошо знающим не только греческий язык, но и литературную традицию эллинов. Содержание

надписи – краткое описание жизни Софита. Он в молодости покинул дом отца и дальше занимался торговлей. Когда же разбогател, он восстановил свой отчий дом, который завещал беречь своим сыновьям и внукам [1, р. 123].

Перед нами история жизни купца Софита, жителя Александрии в Арахозии, который имел в отличие от Аристонакса и его сына индоиранские корни.

В тексте воспеваются типично греческие божества: Мойры (богини судьбы), Аполлон и Музы [27, р. 231–232]. Это позволяет говорить о проникновении этих культов в среду жителей Азии эпохи эллинизма.

В Кулябе (Таджикистан) была найдена надпись хорошей сохранности, которая начертана на известняковом блоке и представляет собой посвящение богине Гестии некоего Гелиодота. В 2004 г. французские исследователи П. Бернар, Ж.-Ж. Пино и Ж. Ружмон опубликовали этот текст, хранящийся в частной коллекции [27, р. 333–356].

Ее текст, написанный в стихотворном размере, имеет шесть строк. В них говорится о том, что алтарь в честь Гестии в священной роще Зевса поставил Гелиодот, прославляя царя Евтидема и его сына Деметрия.

Куляб, расположенный в сотне километров от Ай-Ханум, подарил прекрасный памятник подлинно греческой письменности. В нем упоминаются лишь греческие имена собственные как относящиеся к людям, так и относящиеся к божествам: Зевсу и Гестии и Зевсу.

Его датировка: примерно рубеж III–II вв. до н. э. Если взять эпитет «мегистос» («величайший»), которым награждает Евтидема автор текста, можно сказать, что данная характеристика этого греко-бактрийского царя была возможна после войны его и селевкидского царя Антиоха III Великого в 208–206 гг. до н. э., которая закончилась признанием царского титула за Евтидемом из Магнезии со стороны Селевкида [28, р. 110–112]. А. Холлис предлагает датировать этот эпиграфический памятник примерно 195 г. до н. э. [28, р. 111]. На монетах же царей Агафокла и Антимаха Евтидем называется: «Теос» («Бог»). Уникальная монета из Ай-Ханум содержит легенду, на которой имя Евтидема дополняется эпитетом «Мегас» («Великий») [29, р. 104].

Эпитет «Каллиник» («Славный победами», «Победоносный»), который обращен к его сыну Деметрию, говорит о том, что сын Евтидема был в начале своих славных военных свершений. Впоследствии, как самостоятельный правитель, он берет себе имя «Аникет» («Непобедимый»). Это видно по монетным эмиссиям [1, р. 125].

Имя «Гелиодот» известно по источникам намного хуже, чем имена греко-бактрийских царей Евтидема I и Деметрия I. Однако можно предположить, что это был видный представитель эллинской

элиты в правление этих монархов. Существует уникальная бронзовая монета из Джамму-Кашмира. Она небольшая, квадратной формы, двуязычная и невысокого качества чеканки. На аверсе изображен царь в шлеме. Рядом с его портретом надпись: «царя Гелиодота». На реверсе стоит Геракл, увенчанный венком. Именно такой же тип изображения присутствует на монетах царя Деметрия I. Ф. Холт сомневается в том, что впоследствии Гелиодот, автор посвящения, мог стать царем [1, р. 125].

Учитывая отсутствие дополнительных источников, отождествлять Гелиодота-автора с Гелиодотом-царем было бы смелым предположением. Однако некоторую линию рассуждения не следует отменять полностью. Зная, что Деметрий I предпринимал широкомасштабные захваты территорий на Индостане, можно предположить, что в какой-то момент одной из провинций на севере долины Инда мог править один из его приближенных. Почему же это мог быть человек с царским титулом? Если эта провинция не была столь крупной, в случае войны или других экстремальных условий на вновь присоединенных территориях наместникам могли дароваться такие широкие полномочия. В государстве Ахеменидов многие подданные «царя царей» были правителями отдельных провинций и имели царские диадемы. Такую же практику осуществлял Александр Великий. Например, существует общеизвестный факт, касающийся северной Индии: после победы над индийским царем Пором в битве при Гидаспе македонский царь и наследник персидских царей сохранил царский венец Пору и его потомкам за доблесть, проявленную в битве. Подобная практика при разрастании территории государства порой была даже необходима для наведения порядка и наделения более широкими полномочиями сподвижника. Стоит вспомнить, как щедро Наполеон Бонапарт раздавал короны и титулы своим нетитулованным маршалам, например, Мюрату. Гелиодот, сподвижник отца Деметрия и его самого вполне мог заслужить такую милость. Мелкая разменная монета на двух языках (греческом и индийском) вряд ли может служить в пользу того, что царская власть могла быть неограниченной. Скорее, о подлинной независимости говорил бы золотой статер. Именно мелкую монету могли чеканить различные высокопоставленные подданные в таких крупных империях, как Персидское государство или держава Александра.

Исходя из стилистики и содержания посвященной надписи, можно смело утверждать, что Гелиодот принадлежал к эллинской верхушке, правившей при Евтидеме I и Деметрии I обширным государством, включавшим себя огромные ресурсы современного Афганистана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и других сопредельных государств. Автор посвящения был широко об-

разованным человеком и пользовался уважением в обществе. В противном случае вряд ли он мог бы осуществить установку алтаря на священном участке, посвященном Зевсу. В добавлении всего стоит заметить, что именно культ Зевса был ключевым для правящих эллинистических династий, включая греко-бактрийские. К этому богу возводил свою родословную Александр Великий, к которому возводили свою родословную и истоки власти эллинистические монархи. Зевс изображается на монетах Евтидема I, а Деметрий I выбирает себе другого предка Александра – Геракла, сына Зевса. Таким образом, святилище Зевса должно было быть связано с правящей династией напрямую.

Начертанные на камне тексты, найденные в Ай-Ханум, Тахти-Сангине, Кулябе и Кандагаре, являются бесценными свидетельствами грандиозного культурного античного наследия Центральной Азии. Посвящения эллинским богам и местному богу Оксу, начертанному на греческом языке, говорят о проникновении в духовную среду эллинистической Бактрии глубинных основ античной цивилизации: религии и языка.

Стела Софита из Кандагара демонстрирует приверженность индоиранского населения не только греческой религиозности, но и греческому языку. При этом следует учесть, что Софит использует его и в качестве государственного (официального), и в качестве литературного, отдавая дань эпическому и лирическому наследию эллинов и демонстрируя свой скромный поэтический талант.

Налоговая расписка из Музея Эшмола – уникальный пергамент, который проливает свет на административное и финансовое устройство государства в эллинистической Центральной Азии.

Новейшие исследования вслед за сменой эпох рожают новые перспективы открытий и нового понимания культурных реалий прошлого древней Бактрии. Если интерпретации сочинений античных авторов и на основании их реконструкции практически исчерпаны, горизонты археологических изысканий представляются бескрайними. Пока практически нетронутыми стоят руины бактрийской столицы – города Бактры/Зариаспы (городище Балха). Многие цитадели ахеменидского времени, разрушенные в эллинистическую эпоху, ждут своих первооткрывателей. Крепости и полисы, основанные Александром, Селевкидами и греко-бактрийскими царями в «стране тысячи городов», готовы дать уникальные сведения и еще больше оживить строки классической литературы.

Список литературы

1. Holt F. L. *Lost World of the Golden King: In Search of Ancient Afghanistan*. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California press, 2012. 368 p.

2. *Inscriptions de Délos* / ed. F. Durrbach. Paris: Libr. Anc. Honoré Champion, 1929. VIII, 351 p.

3. Schoultz M. *Die Charakene: ein mesopotamisches Königreich in hellenistisch-parthischer Zeit*. Stuttgart: F. Steiner Verl., 2000. 554 s.

4. Schmitt R. *Der Name Hyspasines (samt Varianten)* // *Bulletin of the Asia Institute*. 1990. № 4. P. 245–249.

5. Bellinger A. *Hyspaosines of Charax* // *Yale Classical Studies*. 1942. № 8. P. 52–67.

6. Bernard P. *Fouilles d’Ai Khanoum*. Paris: Diffusion de Boccard, 1985. Vol. 4: *Les monnaies hors trésors. Questions d’histoire gréco-bactrienne*. 188 p.

7. *Iscrizioni dello estremo oriente Greco* / ed. F. Canali de Rossi. Bonn: R. Habelt, 2004. XVI, 410 p.

8. Faral E. *Séance du 14 Mars* // *Comptes-Rendus de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1947. P. 241–242.

9. Wheeler M. *Archeology in Afghanistan* // *Antiquity*. 1947. Vol. 21, iss. 82. P. 57–65.

10. Pugliesi-Carratelli G. *Greek Inscriptions of the Middle East* // *East and West*. 1966. № 16. P. 31–36.

11. Kruglikova I., Mustamandi S. *Résultats préliminaires des travaux de l’expédition archéologique afghano-soviétique en 1969* // *Afghanistan*. 1970. № 23. P. 84–97.

12. Kruglikova I. *Les fouilles de la mission archéologique soviétique-afghane sur le site gréco-kushan de Dilberdjén en Bactriane (Afghanistan)* // *Comptes-Rendus de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1977. № 2. P. 407–427.

13. Rtveladze E. *Découvertes en numismatique et épigraphie gréco-bactriennes à Kampyr-Tepe (Bactriane du nord)* // *Revue Numismatique*. 1995. № 6. P. 20–24.

14. Rtveladze E. *Kampyr Tepe–Pandokheion: Les Grecs ont traversé l’Oxus* // *Dossiers d’Archeologie*. 1999. № 247. P. 56–57.

15. Bernard P., Bopearachchi O. *Deux bracelets grecs avec inscriptions grecques trouvés dans l’Asie centrale hellénisée* // *Journal des Savants*. 2002. № 2. P. 237–238.

16. *Afghanistan: Hidden Treasures from the National Museum, Kabul*. Washington: Nat. Geographic Society, 2008. 304 p.

17. Marshall J. *Taxila: in 3 vols*. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1951. Vol. 1. XXII, 246 p.

18. Rea J. R., Senior R. C., Hollis A. S. *A Tax Receipt from Hellenistic Bactria* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1994. № 104. S. 261–280.

19. Clarysse W., Thompson D. J. *Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2007. № 159. S. 273–279.

20. Drujinina A. *Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel* // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2008. Bd. 40. S. 121–135.

21. Вексина М. *Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда* // *Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша*, 2010. Вып. 34. С. 226–240.

22. Rougemont G. *Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum)*. London: School of Oriental and African Studies, 2012. 326 p.
23. Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // *Вестник древней истории*. 2011. № 4. С. 110–131.
24. Балаханцев А. С. Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма // *Российская археология*. 2014. № 4. С. 89–96.
25. Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian Inscription of Kanishka the Great // *Silk Road Arts and Archaeology*. Kamakura, 1995/1996. Vol. 4. P. 75–142.
26. Fraser P. M. The Son of Aristonax at Kandagar // *Afghan Studies*. 1979. № 2. P. 9–21.
27. Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G. Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie central // *Journal des Savants*. 2004. № 2. P. 227–356.
28. Hollis A. S. Greek Letters from Hellenistic Bactria // *Culture in Pieces: Essays on Ancient Texts in Honour of Peter Parsons* / ed. D. Obbink, R. Rutherford. Oxford: Oxford Univ. press, 2011. P. 104–118.
29. Bopearachchi O. Trésors monétaires découvertes et pillage // *Afghanistan, patrimoine en péril: Actes d'une journée d'étude*. Paris: CEREDAF, 2001. P. 97–108.
- de Dilberdjén en Bactriane (Afghanistan). *Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1977. 2, 407–427.
13. Rtveladze E. Découvertes en numismatique et épigraphie gréco-bactriennes à Kampyr-Tepe (Bactriane du nord). *Revue Numismatique*. 1995. 6, 20–24.
14. Rtveladze E. Kampyr Tepe–Pandokheion: Les Grecs ont traversé l'Oxus. *Dossiers d'Archeologie*. 1999. 247, 56–57.
15. Bernard P., Bopearachchi O. Deux bracelets grecs avec inscriptions grecques trouvés dans l'Asie centrale hellénisée. *Journal des Savants*. 2002. 2, 237–238.
16. Afghanistan: Hidden Treasures from the Nat. Museum, Kabul. Washington: Nat. Geographic Society, 2008. 304.
17. Marshall J. Taxila: in 3 vols. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1951. 1. XXII, 246.
18. Rea J. R., Senior R. C., Hollis A. S. A Tax Receipt from Hellenistic Bactria. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1994. 104, 261–280.
19. Clarysse W., Thompson D. J. Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2007. 159, 273–279.
20. Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 2008. 40, 121–135.
21. Veksina M. The linguistic and paleographic analysis of the Greek inscription with the dedication to Oxus on the clay form to pour the vessel. *Archeological studies in Tajikistan*. Dushanbe: A. Donish Inst. of History, Archeology and Ethnography, 2010. 34, 226–240 (in Russ.).
22. Rougemont G. *Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum)*. London: School of Oriental and African Studies, 2012. 326.
23. Ivantchik A. I. New Greek inscriptions from Takhti Sangin and the problem of the origin of Bactrian script. *Journal of Ancient History*. 2011. 4, 110–131 (in Russ.).
24. Balakhvantsev A. S. New inscription from Takhti Sangin and the several problems of the Eastern Hellenism. *Russian archeology*. 2014. 4, 89–96 (in Russ.).
25. Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian Inscription of Kanishka the Great. *Silk Road Arts and Archaeology*. Kamakura, 1995/1996. 4, 75–142.
26. Fraser P. M. The Son of Aristonax at Kandagar. *Afghan Studies*. 1979. 2, 9–21.
27. Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G. Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie central. *Journal des Savants*. 2004. 2, 227–356.
28. Hollis A. S. Greek Letters from Hellenistic Bactria. *Culture in Pieces: Essays on Ancient Texts in Honour of Peter Parsons* / ed. D. Obbink, R. Rutherford. Oxford: Oxford Univ. press, 2011. 104–118.
29. Bopearachchi O. Trésors monétaires découvertes et pillage. *Afghanistan, patrimoine en péril: Actes d'une journée d'étude*. Paris: CEREDAF, 2001. 97–108.

References

- 1 Holt F. L. *Lost World of the Golden King: In Search of Ancient Afghanistan*. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California press, 2012. 368 p.
2. Durrbach F. (ed.). *Inscriptions de Délos*. Paris: Libr. Anc. Honoré Champion, 1929. VIII, 351.
3. Schou M. Die Charakene: ein mesopotamisches Königreich in hellenistisch-parthischer Zeit. Stuttgart: F. Steiner Verl., 2000. 554.
4. Schmitt R. Der Name Hyspasines (samt Varianten). *Bulletin of the Asia Institute*. 1990. 4, 245–249.
5. Bellinger A. Hyspaosines of Charax. *Yale Classical Studies*. 1942. 8, 52–67.
6. Bernard P. Fouilles d'Ai Khanoum. Paris: Diffusion de Boccard, 1985. 4: Les monnaies hors trésors. *Questions d'histoire gréco-bactrienne*, 188.
7. Canali de Rossi F. (ed.). *Iscrizioni dello estremo oriente Greco* / ed. F. Canali de Rossi. Bonn: R. Habelt, 2004. XVI, 410.
8. Faral E. Séance du 14 Mars. *Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1947. 241–242.
9. Wheeler M. Archeology in Afghanistan. *Antiquity*. 1947. 21 (82), 57–65.
10. Pugliesi-Carratelli G. Greek Inscriptions of the Middle East. *East and West*. 1966. 16, 31–36.
11. Kruglikova I., Mustamandi S. Résultats préliminaires des travaux de l'expédition archéologique afghano-soviétique en 1969. *Afghanistan*. 1970. 23, 84–97.
12. Kruglikova I. Les fouilles de la mission archéologique soviétique-afghane sur le site gréco-kushan